



Fresh Hemingway

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ

ОСТАЛЬНЫЕ
ТРИДЦАТЬ ДВА



По ком звонят колокола

Эрнест Хемингуэй

**Остальные тридцать два.
Полное собрание рассказов**

«ФТМ»

«Издательство АСТ»

21.05.2014

Хемингуэй Э. М.

Остальные тридцать два. Полное собрание рассказов /
Э. М. Хемингуэй — «ФТМ», «Издательство АСТ»,
21.05.2014 — (По ком звонят колокола)

ISBN 978-5-17-093202-3

В издание вошли произведения, опубликованные Хемингуэем в журналах и изданные в знаменитых сборниках «Короткие рассказы», «Рассказы Ника Адамса» уже после его смерти. Это отрывки незаконченных романов, произведения в форме рассказа, положенные в основу некоторых законченных трудов автора. Многие из них публикуются на русском языке впервые, другие представлены в новом переводе.

ISBN 978-5-17-093202-3

© Хемингуэй Э. М., 21.05.2014
© ФТМ, 21.05.2014
© Издательство АСТ, 21.05.2014

Содержание

Отдельные рассказы, опубликованные при жизни автора	6
Донос	6
Мотылек и танк	14
Ночь перед боем	20
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Эрнест Хемингуэй
Остальные тридцать два.
Полное собрание рассказов

Ernest Hemingway

NICK ADAMS STORIES SHORT STORIES

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1925, 1933

© Перевод. В. А. Вебер, 2015

© Перевод. И. Я. Доронина, 2015

© Перевод. А. И. Старцев-Кунин, наследники, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Отдельные рассказы, опубликованные при жизни автора

Донос

В старые времена бар Чикоте в Мадриде был приблизительно тем же, что у нас «Сторк», только без музыки и дебютанток, или мужской бар «Уолдорф», если бы туда допускали женщин. Вообще-то их туда допускали, но по существу это было мужское заведение, и женщины там бывали на птичьих правах. Педро Чикоте являлся хозяином бара и обладал личностью, которая создает репутацию заведению. Он был великолепным барменом, всегда приветливым, веселым, и отличался безграничным жизнелюбием. Теперь жизнелюбие встречается довольно редко, и мало кто сохраняет его надолго. И не надо путать его с показным оптимизмом. У Чикоте оно было не фальшивое и не напускное. В то же время он был скромнен, прост и дружелюбен. Он действительно являлся милым, приятным человеком, но при этом на удивление деловым, как Жорж из парижского бара «Ритц», – а это едва ли не самая высокая похвала, какой можно удостоиться от человека, там побывавшего, – и баром своим он управлял превосходно.

В те времена снобы из числа богатых молодых мадридцев проводили время в «Новом клубе», а настоящие парни ходили к Чикоте. Многие из завсегдатаев мне не нравились, точно так же, как, скажем, и в «Сторке», но чтобы обстановка у Чикоте была неприятной, такого не случилось. Одна из причин состояла в том, что там никогда не говорили о политике. Существовали кафе, куда люди ходили обсудить политику и ничего больше, но у Чикоте о политике не говорили. Однако там много беседовали на другие важные темы, а по вечерам появлялись самые привлекательные девушки города, это место считалось самым подходящим, чтобы начать вечер, и всем нам доводилось завязывать там приятные знакомства.

Также это было место, куда стоило заглянуть, чтобы узнать, кто сейчас в городе или кто куда уехал из постоянных посетителей. А если стояло лето и город пустел, здесь всегда можно было просто приятно посидеть за стаканчиком, потому что все официанты отличались приветливостью и услужливостью.

Это место считалось своего рода клубом, только без обязательных взносов, где к тому же можно было познакомиться с девушкой. Безусловно, «Чикоте» являлся лучшим баром в Испании, а я думаю, и во всем мире, и все мы, имевшие обыкновение ходить туда, его очень любили.

Другое его достоинство заключалось в том, что там подавали превосходные напитки. Если ты заказывал мартини, то его приготавливали из лучшего джина, какой можно купить за деньги, а бочковой виски, который Чикоте получал прямо из Шотландии, казался настолько лучше рекламировавшихся марок, что его не стоило и сравнивать с ординарным скотчем.

Ну а когда начался мятеж, Чикоте находился в Сан-Себастьяне, где у него был еще один, летний бар. Кстати, он владеет им и сейчас, и говорят, что это лучший бар во всей франкистской Испании. А мадридский бар перешел к официантам, они и теперь держат его, но хорошие напитки в нем кончились.

Большинство старых клиентов Чикоте приняли сторону франкистов, но среди них встречались и республиканцы. Поскольку в свое время это было очень жизнерадостное место, а жизнерадостные люди обычно самые храбрые, а храбрые гибнут в первую очередь, то многих из прежних завсегдатаев бара Чикоте уже нет в живых. Давным-давно нет там и бочкового виски, а остатки желтого джина мы прикончили в мае 1938-го. Туда и ходить-то теперь особенно

незачем, и я полагаю, что Луис Дельгадо, появившись он в Мадриде чуть позже, мог бы туда и не заглянуть, и тогда не попал бы в беду. Но когда он приехал в Мадрид в ноябре 1937-го, желтый джин там еще водился, равно как и индийская хинная вода¹. Конечно, рисковать жизнью ради них едва ли стоило, но, вероятно, ему просто захотелось выпить в знакомом заведении. Зная его и помня, каким было это заведение в старые добрые времена, это вполне можно понять.

В тот день в посольстве забили корову, и привратник позвонил в отель «Флорида» сообщить, что они оставили нам десять фунтов свежего мяса. Я отправился за ним в ранних сумерках мадридской зимы. У ворот посольства на стульях сидели два штурмовых гвардейца с винтовками, мясо ждало нас в привратничке.

Привратник сказал, что кусок нам достался хороший, но корова была тощей. Я угостил его жареными семечками и несколькими желудями, завалявшимися в кармане моей куртки, и мы обменялись друг с другом шутками, стоя на посольской подъездной аллее, усыпанной гравием.

Потом я отправился обратно через весь город с тяжелым свертком под мышкой. В конце Гран-Виа слышалась артиллерийская стрельба, и я зашел в бар Чикоте переждать ее. В баре было шумно и многолюдно, я сел за маленький угловой столик напротив окна, заваленного мешками с песком, положил сверток с мясом рядом на скамейку и заказал джин с тоником. Как раз на той неделе мы обнаружили, что у них еще остался тоник. С тех пор как началась война, его никто не заказывал, и стоил он столько же, сколько до мятежа. Вечерние газеты еще не вышли, поэтому я купил у старушки-газетчицы три партийные брошюры. Каждая стоила десять сентаво, я дал песету и оставил сдачу ей. Она произнесла, что Бог благословит меня. В этом я не был уверен, но принялся читать брошюры, потягивая джин с тоником.

Официант, которого я знал по прежним временам, подошел к моему столику и кое-что сообщил мне.

– Нет, – ответил я. – Не может быть.

– Это точно, – подтвердил он и повел головой и подносом в одном и том же направлении. – Только не оборачивайтесь. Он там.

– Меня это не касается, – отрезал я.

– Меня тоже.

Он отошел, а я купил вечерние газеты, которые принесла другая старушка, и принялся их читать. Относительно того человека, на которого указал мне официант, никаких сомнений не было. Мы оба слишком хорошо знали его. И единственное, что мне пришло в голову: какой дурак! Самый настоящий дурак.

В этот момент к моему столу подсел один греческий товарищ. Он командовал ротой в Пятнадцатой бригаде, и во время бомбежки с воздуха его четверых людей убило, а его заваляло; откопав, его направили в госпиталь на обследование, а потом то ли в санаторий, то ли что-то в этом роде.

– Ну, как вы, Джон? – спросил я его. – Угощайтесь.

– Как у вас называть этот напиток, мистер Эммандс?

– Джин с тоником.

– И что это за тоник?

– Хинный. Попробуйте.

– Знаете, я вообще-то почти не пью, но, кажется, хина – хорошо от лихорадки. Глотну немного.

– Что говорят врачи, Джон?

– Мне не нужны врачи. Я в порядке. Только в голове все время шумит.

– Вы все же должны сходить к врачу, Джон.

¹ Тоник.

– Да я ходил. Но он не понимает. Говорит, у меня нет направления.

– Я позвоню и поговорю с ними, – произнес я. – Я там кое-кого знаю. Ваш врач немец?

– Да, он немец, – подтвердил Джон. – Хорошо английский не говорит.

Тут снова подошел официант. Это был пожилой, совершенно лысый человек со старомодными манерами, которых даже война не смогла изменить. Он был весьма озабочен.

– У меня сын на фронте, – сказал он. – А другого сына убили. И вот нате вам. Что же делать?

– Ну, это вам решать.

– А что же вы? Я ведь вам уже сказал.

– Я зашел сюда выпить перед ужином.

– А я тут работаю. Но скажите мне, что...

– Это решать вам, – повторил я. – Я не политик. Вы понимаете по-испански, Джон? – обратился я к греческому товарищу.

– Нет, знаю всего несколько слов, но я говорю по-гречески, по-английски и по-арабски. По-арабски я когда-то говорить хорошо. Послушайте, вы знаете, как я оказался под завал?

– Нет. Знаю только, что вас завалило во время бомбежки, вот и все.

У него было красивое смуглое лицо и очень смуглые руки, которыми он все время жестикулировал во время разговора. Родился он на каком-то греческом острове и говорил очень эмоционально.

– Ну, так я вам сейчас рассказать. У меня очень большой военный опыт. До войны я служил капитаном в греческой армии. Я хороший солдат. Поэтому там, в Фуэнтес-дель-Эбро, увидев, что самолет приближается к нашим окопам, я начал следить за ним. Самолет пролетать над нами, выполнять вираж, разворачиваться вот так (он все показывал руками), и пилот все время смотрит на нас; и я сказал: «Ага. Значит, это для генштаба. Разведчик. Скоро жди и других».

Как я и предсказал, летят другие. А я стою и наблюдаю. Внимательно наблюдаю. Смотрю вверх и рассказываю роте, что происходит. Они лететь тройками – один впереди, два сзади. Одна тройка пройти – я говорю роте: «Видели? Один боевой порядок прошел». Дальше летит еще тройка, и я говорю роте: «Ну вот, теперь о'кей. Теперь все нормально. Больше не о чем беспокоиться». Это последнее, что я помню: пришел в себя только через две недели.

– Когда это случилось?

– С месяц назад. Понимаете, когда меня засыпало, каска сползла мне на лицо, а под ней остался воздух, поэтому было чем дышать, пока меня не откопали, но ничего этого сам я не помню. Только в воздухе, которым я дышал, был дым от взрыва, и от этого я долго болел. Теперь я о'кей, только в голове звенит. Как у вас называется этот напиток?

– Джин-тоник. Швепс, индийская тониизирующая вода. До войны это был очень модный бар, и это стоило здесь пять песет, но тогда за доллар давали всего семь песет. А недавно мы обнаружили, что у них еще есть тоник и стоит он столько же. Но теперь остался всего один ящик.

– И правда хороший напиток. Расскажите, каким был этот город до войны.

– Чудесным. Таким же, как теперь, только еды было в досталь.

Подошел официант и склонился над столом.

– А если я этого не сделаю? – спросил он. – Я же отвечаю за то, что тут происходит.

– Ну, если хотите, позвоните по телефону – вот вам номер. Запишите. – Он записал. – Попросите Пепе, – сказал я.

– Я против него ничего не имею, – произнес официант. – Но Causa²... Такой человек, конечно же, представляет угрозу нашему делу.

² Дело (исп.).

- Остальные официанты его не узнали?
- Может, и узнали. Но никто ничего не сказал. Он же наш старый клиент.
- Я тоже ваш старый клиент.
- А может, и он теперь на нашей стороне?
- Нет, – покачал головой я. – Я знаю, что это не так.
- Я никогда ни на кого не доносил.
- Ну, это уж вам решать. Может, кто-нибудь из других официантов сообщит о нем?
- Нет. Его знают только старые официанты, а старые официанты не доносят.
- Принесите еще желтого джина и горького пива, – сделал заказ я. – Тоник у меня еще остался.
- О чем он говорит? – поинтересовался Джон. – Я совсем мало понимаю.
- Там сидит человек, которого мы оба знаем по старым временам. Он был прекрасным стрелком по тарелочкам, я встречал его на соревнованиях. Он фашист, и прийти сюда теперь – не важно по какой причине – большая глупость с его стороны. Но он всегда был очень храбрым и очень глупым.
- Покажите мне его.
- Вон он, сидит за столом с летчиками.
- Который?
- Тот, с очень загорелым лицом, в пилотке набекрень, который сейчас смеется.
- Он фашист?
- Да.
- С самого Фуэнтес-дель-Эбро не видел фашист так близко. Много тут фашист?
- Да нет, не много, встречаются иногда.
- Они пьют то же, что вы, – подметил Джон. – Раз мы это пьем, другие люди не думать, что мы фашист, а? Слушайте, вы были Южная Америка, западное побережье, Магальянес?
- Нет.
- Там хорошо. Только слишком много осьминогов.
- Кого много?
- Восемь-ми-ног, – забавно повторил он. – Ну, тех, у кого восемь рук.
- А-а, – протянул я, – осьминогов.
- Да, осьминог, – подтвердил Джон. – Знаете, я еще и водолаз. Это хорошее место работать, получать куча денег, только слишком много осьминог.
- А они что, мешают?
- Не знаю. Я первый раз опустился в гавани, в Магальянес, смотрю – осьминог. Стоит на всех своих ногах, вот так. – Джон уперся пальцами в столешницу и приподнял локти и плечи, а заодно и брови. – Высокий, выше меня, и смотреть прямо в глаза. Я дернул канат, чтобы меня подняли.
- А какого он был размера, Джон?
- Не могу сказать точно, стекло в шлеме все искажает. Но голова по крайней мере больше четырех футов, это точно. И он стоял на своих ногах как на цыпочках и вот так на меня смотреть. (Он уставился мне в лицо.) Так что, когда меня вытаскивать из воды и снять шлем, я сказать: вниз – больше никогда. Тогда тот, что был у нас начальник, говорит: «Что с тобой, Джон? Этот “осьминог” испугался тебя больше, чем ты его». А я ему говорю: «Невозможно!» Что вы скажете насчет того, чтобы выпить еще этого фашистского напитка?
- Это можно, – согласился я.

Я наблюдал за тем человеком. Его звали Луис Дельгадо, и последний раз я видел его в 1933 году в Сан-Себастьяне на соревнованиях по стрельбе по тарелочкам. Помню, мы стояли рядом на верхней трибуне и наблюдали большой финал. Мы заключили пари на сумму большую, чем я мог себе позволить, и, думаю, намного большую, чем он мог позволить себе

истратить за весь тот год, но когда он расплачивался, спускаясь по лестнице, то выглядел совершенно безмятежно, стараясь показать, что это привилегия – иметь возможность проиграть такую сумму. Потом, помню, мы в баре стоя пили мартини, и я испытывал то чудесное чувство облегчения, которое приходит, когда выбираешься из опасной передрыги, и мне было интересно, насколько тяжело ударил по нему этот проигрыш. Я всю неделю стрелял отвратительно, а он – превосходно, но выбирал при этом самые безнадежные мишени и постоянно ставил на себя.

– Может, кинем дура³? – спросил он.

– Вы действительно хотите?

– Да, если вы не против.

– На сколько?

Он вытащил бумажник, заглянул в него и рассмеялся.

– А на сколько хотите, – пожал плечами он. – Ну, скажем, на восемь тысяч песет. Кажется, тут примерно столько и есть.

Тогда это равнялось почти тысяче долларов.

– Хорошо, – сказал я. Блаженное состояние внутреннего покоя вмиг исчезло, и вернулось ощущение сосущей пустоты, сопутствующее азарту. – Кто открывается первым?

– Открывайтесь вы.

Мы потрясли по тяжелой серебряной монете в сложенных скорлупками ладонях, потом каждый, не глядя, выложил свою монету на тыльную сторону левой ладони, прикрыв ее правой.

– Что у вас? – поинтересовался он.

Я открыл свою монету, она лежала вверх профилем Альфонсо XIII в младенчестве.

– Орел, – ответил я.

– Ну, тогда забирайте эти чертовы бумажки и, будьте добры, закажите мне выпить. – Он опустошил свой бумажник. – Не хотите купить у меня отличное пердеевское⁴ охотничье ружье?

– Нет, – отказался я. – Но послушайте, Луис, если вам нужны деньги...

Я протянул ему туго свернутую пачку плотных, блестящих зеленых банкнот по тысяче песет.

– Не дурите, Энрике, – произнес он. – Игра есть игра.

– Да, но мы достаточно хорошо знакомы...

– Не настолько.

– Ладно, – сдался я. – Тут решать вам. Тогда что будете пить?

– Как насчет джина с тоником? Прекрасный, знаете ли, напиток.

Мы пили джин с тоником, и я чувствовал себя одновременно отвратительно из-за того, что разорил его, и восхитительно из-за того, что выиграл деньги, а джин с тоником никогда в жизни не казался мне таким вкусным. Бесплезно врать и притворяться, будто ты не рад выигрышу, но этот парень, Луис Дельгадо, был отчаянным игроком.

– Не думаю, что игра доставляет наслаждение, если ставишь на кон только то, что можешь себе позволить. Вы согласны, Энрике?

– Не знаю. Я никогда не мог позволить себе ставить больше.

– Да ладно вам. У вас же куча денег.

– Отнюдь, – покачал головой я. – Серьезно.

– О, деньги, в сущности, есть у всех, – сказал он. – Ведь всегда можно что-нибудь продать – вот вам и деньги.

– У меня особо и продать-то нечего. В самом деле.

– Не говорите глупостей. Никогда не встречал американца, который не был бы богат.

³ Испанская серебряная монета.

⁴ Имеется в виду известная фирма «Джеймс Пердей», производящая огнестрельное оружие, в том числе охотничьи ружья.

Думаю, тогда это было правдой. В те времена он действительно не встречал таких в баре отеля «Ритц» или у Чикоте. Но теперь, когда он снова сидел в баре Чикоте, здешние посетители-американцы были как раз из разряда тех, каких он раньше никогда не встречал; не считая меня, но я был случайностью. И я многое отдал бы за то, чтобы не увидеться с ним здесь вовсе.

Тем не менее, если он пожелал сделать такую невероятную глупость, это его дело. Но, глядя на его столик и вспоминая былые времена, я жалел его и очень расстроился из-за того, что дал официанту номер телефона отдела контрразведки Управления госбезопасности. Он мог узнать этот телефон и без меня, через справочную. Но я указал ему кратчайший путь к аресту Дельгадо, и сделал это как Понтий Пилат – с чрезмерной беспристрастностью и праведностью намерений, а в сущности – со всегда грязноватым желанием увидеть, как поведет себя человек в ситуации эмоционального конфликта, желанием, которое делает писателей такими милыми друзьями.

Официант подошел снова.

– Ну, так что вы думаете? – спросил он.

– Я бы сам на него никогда не донес, – ответил я, стараясь хотя бы в собственных глазах исправить то, что сделал, дав ему номер телефона. – Но я иностранец, а это ваша война и ваша забота.

– Но вы же с нами.

– Всегда и безоговорочно. Но донос на старых друзей сюда не входит.

– А как же я?

– Вы – другое дело.

Я понимал, что это правда, и сказать мне больше было нечего, но как бы я хотел никогда об этом не слышать.

Мое любопытство по поводу того, как ведут себя люди в подобных обстоятельствах, было давно и постыдно удовлетворено. Я повернулся к Джону и больше не смотрел на столик, за которым сидел Луис Дельгадо. Я знал, что он уже больше года служит пилотом у фашистов, и вот он здесь, в лоялистской форме, болтает с молодыми летчиками-республиканцами из последнего пополнения, получившими подготовку во Франции.

Никто из этих новичков знать его не мог, а мне было интересно, явился ли он сюда, чтобы угнать самолет или с другой целью. Но зачем бы он сюда ни явился, прийти в бар Чикоте было большой глупостью с его стороны.

– Как вы себя чувствуете, Джон? – спросил я.

– Чувствую хорошо, – улыбнулся Джон. – Хороший напиток, о'кей. Может, я от него немножко пьяный. Но помогает от шума в голове.

Подошел официант, который взволнованно сказал:

– Я сообщил о нем.

– Ну что ж, – произнес я, – значит, вы свою проблему решили.

– Да, – с достоинством согласился он. – Я сообщил, и они уже едут за ним.

– Пойдемте отсюда, – предложил я Джону. – Тут сейчас начнется заваруха.

– Тогда лучше идти, – поднялся Джон. – Как ни стараться избежать, неприятности всегда тут. Сколько мы должны?

– Вы не останетесь? – уточнил официант.

– Нет.

– Но это же вы дали мне номер телефона.

– Ну и что? Поживешь здесь – каких только телефонов не узнаешь.

– Но это было моим долгом.

– Да. Конечно. Долг – великая вещь.

– А теперь?..

– Послушайте, сейчас вы ведь чувствуете, что поступили правильно, да? Может, вы и потом будете чувствовать то же самое. Может, вы привыкнете, и вам это будет нравиться.

– Вы забыли свой сверток, – напомнил официант.

Он подал мне мясо, завернутое в два конверта, в которых присылали по почте журнал «Шпора», их экземпляры громоздились на кипах других журналов в одном из служебных помещений посольства.

– Я вас понимаю, – сказал я официанту, – поверьте.

– Он был старым клиентом, хорошим клиентом. А кроме того, я никогда еще ни на кого не доносил. Я сделал это не ради удовольствия.

– И я бы на вашем месте не старался казаться ни циничным, ни грубым. Скажите ему, что это я донес. Меня он все равно ненавидит из-за расхождения в политических взглядах. А узнать, что это сделали вы, ему было бы неприятно.

– Нет. Каждый должен отвечать за себя. Но вы понимаете?

– Да, – солгал я. – Понимаю и одобряю.

На войне часто приходится лгать, и, когда приходится, делать это нужно быстро и как можно более правдоподобно.

Мы пожали друг другу руки, и я пошел вслед за Джоном. Уже в дверях, перед тем как выйти, я оглянулся на столик, где сидел Дельгадо. Перед ним стоял очередной стакан джина с тоником, и все сидевшие вместе с ним смеялись его рассказу. Его загорелое лицо было веселым, взгляд острым – как у стрелка, и мне стало интересно: за кого он себя выдавал?

Глупо было с его стороны явиться к Чикоте. Но так похоже на него: чтобы было чем похвастать, вернувшись к своим. Когда мы вышли и повернули на улицу, большая машина службы безопасности подкатила к бару Чикоте, и из нее высыпало восемь человек. Шестеро с автоматами заняли позиции у входа. Двое в штатском вошли внутрь. Один из прибывших потребовал у нас документы, но, когда я сказал: «Иностранцы», велел проходить, все, мол, в порядке.

Идя в темноте по Гран-Виа, мы все время ощущали под ногами на тротуаре битое стекло и осколки камней от недавнего обстрела. В воздухе стоял дым, пахло взрывчаткой и пылью от разрушенных стен.

– Где вы собираетесь есть? – спросил Джон.

– Тут у меня мясо для всех, можно приготовить его прямо в номере.

– Я приготовить, – предложил Джон. – Я хорошо готовить. Помню, один раз я готовить на корабле...

– Боюсь, оно будет слишком жесткое, – сказал я. – Корову только что забили.

– Нет! – не согласился Джон. – На войне не бывает жесткое мясо.

По темной улице люди спешили по домам из кинотеатров, где переживали обстрел.

– А зачем тот фашист приходит в бар, где его знают?

– Не иначе рехнулся.

– На войне всегда так, – задумался Джон. – Слишком много сумасшедших.

– Думаю, тут вы попали в яблочко, Джон.

Придя в отель, мы прошли через дверь мимо поставленных друг на друга мешков с песком, защищавших стойку портье, и попросили ключи, но портье сказал, что у меня в номере два каких-то товарища принимают ванну, он дал им ключи.

– Идите наверх, Джон, – попросил я. – Мне нужно позвонить.

Я прошел к телефонной будке и позвонил по номеру, который дал официанту.

– Привет! Пепе?

Голос в трубке прозвучал сдержанно:

—¿Qué tal Enrique?⁵

— Слушай, Пепе, вы взяли у Чикоте некоего Луиса Дельгадо?

— Si, hombre, si. Sin novedad⁶. Без труда.

— Он про официанта что-нибудь знает?

— No, hombre, no.

— Тогда и не говорите ему ничего. Скажите, что это я на него донес, ладно? Ни слова об официанте.

— Почему? Какая разница? Он шпион. Его расстреляют. Тут никаких сомнений.

— Знаю, — произнес я. — Но разница есть.

— Ну, как хочешь, hombre. Как хочешь. Когда увидимся?

— Завтра за обедом. У нас мясо есть.

— Но сначала виски. Хорошо, hombre, хорошо.

— Salud⁷, Пепе, и спасибо.

— Salud, Энрике. Не за что. Salud.

Странный у него голос, какой-то неживой, я так и не смог к нему привыкнуть, но теперь, поднимаясь к себе в номер, я чувствовал себя намного лучше.

Все мы, бывшие завсегдатаи бара Чикоте, испытывали к нему некое особое чувство. И я знал, что именно поэтому Луис Дельгадо снова пришел туда, хотя это было несусветной глупостью. Вполне ведь можно было сделать свои дела в каком-нибудь другом месте. Но, очутившись в Мадриде, он просто не мог туда не зайти. Он был хорошим клиентом, как сказал официант, а я с ним когда-то даже дружил. Безусловно, если выпадает в жизни возможность сделать хотя бы самое малое доброе дело, не надо ее упускать. Поэтому я был рад, что позвонил своему другу Пепе в Управление безопасности: Луис Дельгадо был старым клиентом бара Чикоте, и я не хотел, чтобы он перед смертью испытал разочарование или злость по отношению к местным официантам.

(1938)

Перевод И. Дорониной

⁵ Как дела, Энрике? (исп.)

⁶ Да, друг, да. Без неожиданностей (исп.).

⁷ Будь здоров (исп.).

Мотылек и танк

Тем вечером я шел домой, в отель «Флорида», из цензорского ведомства; лил дождь. Где-то на полдороге он так мне осточертел, что я зашел в бар Чикоте наскоро пропустить стаканчик. Шла вторая зима осады и обстрелов Мадрида; в городе ощущалась нехватка всего, включая курево и человеческие нервы, люди постоянно испытывали легкое чувство голода и неожиданно, беспричинно раздражались на то, с чем ничего не могли поделать, например на погоду. Мне бы следовало идти домой, до отеля оставалось всего пять кварталов, но, поравнявшись со входом в бар Чикоте, я подумал, что недурно бы по-быстрому пропустить стаканчик, прежде чем преодолевать оставшийся отрезок Гран-Виа по грязи и обломкам развороченных бомбежкой домов.

В баре было людно: к стойке не пробиться, все столики заняты. Помещение было заполнено дымом, звуками пения, мужчинами в военной форме и запахом мокрой кожи; напитки приходилось передавать через головы посетителей, тройной шеренгой осаждавших стойку.

Знакомый официант раздобыл для меня свободный стул, и я подсел к тощему, бледнолицему, с выпиравшим адамовым яблоком немцу, которого знал по цензорскому ведомству, и какой-то неизвестной мне паре. Столик находился почти в середине зала, чуть правее от входа.

Из-за громкого пения не слышно было собственного голоса; я заказал джин с ангостурой⁸ – в качестве противопростудного средства от дождя. Зал и впрямь был набит битком, и все страшно веселились – может быть, даже немного чересчур – благодаря какому-то сомнительному каталанскому пойлу, которое они употребляли. Неведомые мне люди, пробираясь мимо, хлопали меня по спине, и, когда девушка, сидевшая за нашим столом, что-то мне сказала, я не расслышал и на всякий случай ответил: «Конечно».

Перестав озираясь по сторонам и сосредоточившись на нашем столе, я осознал, что она на редкость безобразна, по-настоящему безобразна. Но когда подошел официант, оказалось, что, обращаясь ко мне, она спрашивала, не выпью ли я с ними. Ее спутник не производил впечатления человека решительного, но, судя по всему, ее решительности хватало на двоих. Лицо у нее было волевое, некоторые черты можно было назвать классическими, а сложение – как у укротительницы львов; спутник же ее выглядел так, словно ему все еще пристало носить школьную форму с галстуком. Однако на нем были не они, а кожаная куртка, как почти на всех нас. Только его куртка не была мокрой – видимо, они пришли сюда еще до дождя. На ней тоже была кожаная куртка, и к ее типу лица она вполне подходила.

К тому времени я даже жалел, что зашел в бар Чикоте, а не отправился прямо домой, где уже переоделся бы в сухое и попил бы себе что-нибудь, уютно лежа на кровати и задрав ноги на спинку; к тому же мне надоело смотреть на эту пару. Жизнь коротка, уродливые женщины вечны⁹, и, сидя за тем столом, я подумал: даже притом, что писателю положено испытывать неутолимое любопытство к разным типам человеческой натуры, мне совершенно не интересно знать, ни женаты ли эти двое, ни что они нашли друг в друге, ни каковы их политические взгляды, ни кто из них кого содержит – вообще ничего. Я решил, что скорее всего они работают на радио. В Мадриде, если встречаешь человека странного вида, непременно оказывается, что он работает на радио. Поэтому – просто чтобы что-то сказать – я повысил голос и, перекрикивая шум, спросил:

– Вы с радио?

⁸ Алкогольный напиток, в состав которого входят экстракты разных растений, в том числе коры хинного дерева; изначально использовалась в качестве лечебного средства, в малых дозах добавляется при смешивании многих коктейлей.

⁹ Аллюзия на известное, дошедшее до нас на латыни изречение *Vita brevis, ars longa* – «жизнь коротка, искусствоечно», которое принадлежит древнегреческому мыслителю Гиппократу (460–370 до н.э.).

– Да, – ответила девушка.

Значит, я не ошибся. Они работали на радио.

– Как поживаете, товарищ? – обратился я к немцу.

– Прекрасно. А вы?

– Мокро, – заметил я, и он рассмеялся, склонив голову набок.

– У вас не найдется закурить? – поинтересовался он.

Я протянул ему свою предпоследнюю пачку сигарет, и он взял две. Решительная девица тоже взяла две, а молодой человек, лицу которого был бы под стать школьный галстук, одну.

– Берите еще! – прокричал я.

– Нет, спасибо, – отказался тот, и немец взял еще одну сигарету за него.

– Вы не против? – улыбнулся он.

– Конечно, нет, – произнес я.

На самом деле я был против, и он это знал. Но ему так хотелось курить, что он этим пренебрег.

Пение внезапно оборвалось, или в нем наступила пауза, как бывает иногда во время урагана, и неожиданно все мы стали слышать себя и других.

– Вы здесь давно? – спросила меня решительная девица. Она произносила гласные так, словно они бултыхались в гороховом супе.

– Да, но непостоянно: приезжаю – уезжаю, – ответил я.

– Нам с вами нужно сделать серьезную беседу, – решил немец. – Я хочу взять у вас интервью. Когда бы мы могли это устроить?

– Я позвоню, – сказал я.

Этот немец был очень странным немцем, никто из настоящих немцев его не любил. Он вбил себе в голову, будто умеет играть на фортепьяно, но, если держать его подальше от инструмента, был вроде бы ничего, не считая его пристрастия к спиртному и сплетням, и уж от этих пристрастий никто не мог удержать его подальше.

Сплетни были его коньком, у него всегда имелось что рассказать нового и преимущественно компрометирующего о любом человеке, какого бы вы ни упомянули, будь тот из Мадрида, Валенсии, Барселоны или другого политического центра страны.

Но тут как раз возобновилось пение, а сплетничать во весь голос не очень-то удобно, перспектива скучного времяпрепровождения в баре Чикоте меня не прельщала, поэтому я решил уйти, как только выставлю ответное угощение.

Тогда-то и началось. Какой-то гражданский в коричневом костюме и белой рубашке с черным галстуком, с зачесанными назад над довольно высоким лбом волосами, который, шатаясь между столами, строил из себя шута, брызнул в лицо официанту из пистолета-распылителя для «Флита»¹⁰. Все захохотали, кроме официанта, который в этот момент нес поднос, уставленный напитками. Официант возмутился и вскрикнул:

– No hay derecho! – что означало: «Вы не имеете права», именно так испанцы обычно выражают свой решительный протест.

Человек с флитовым пистолетом, окрыленный успехом, похоже, не придавал никакого значения тому, что давно шел второй год войны, что город находился в осаде и нервы у всех были на пределе, что в зале он был одним из всего четырех мужчин в штатском, и брызнул в лицо другому официанту.

Я осмотрелся в поисках места, куда можно было бы нырнуть. Второй официант тоже возмутился, но человек с распылителем, проявив легкомыслие, еще два раза брызнул ему в лицо. Кому-то из присутствующих, в том числе решительной девице, это все еще казалось забавным.

¹⁰ Фирменное название инсектицида.

Но официант остановился и покачал головой. Губы у него дрожали. Он был пожилым человеком и только на моей памяти работал в баре Чикоте лет десять.

– No hay derecho, – сказал он с достоинством.

Какие-то люди тем не менее засмеялись, а человек с флитовым пистолетом, не замечая, как стихло пение, брызнул в затылок еще одному официанту. Тот обернулся, не выпуская из рук подноса, и произнес:

– No hay derecho.

На сей раз это был не протест. Это было обвинение, и я заметил, как трое военных поднялись из-за стола и направились к человеку с распылителем, а уже в следующий момент все четверо стремительно проследовали через вращающуюся дверь, и снаружи послышался знакомый звук – кто-то из военных врезал шутнику по челюсти. В зале кто-то поднял его игрушку и вышвырнул за дверь.

Трое суровых военных вернулись с серьезным видом и чувством восстановленной справедливости. Дверь крутанулась еще раз, и на пороге снова возник тот самый человек. Волосы падали ему на глаза, лицо разбито в кровь, галстук сбился набок, рубашка разорвана на груди. В руке у него снова оказался флитовый пистолет, он был бледен, глаза дико горели; сделав несколько шагов вглубь, он вызываяще, не целясь, произвел один-единственный выстрел-пишк в сторону всех присутствующих.

Я увидел, как один из тех трех военных двинулся ему навстречу, и увидел выражение его лица. К нему присоединилось еще несколько человек, они теснили мужчину назад между двух столов слева от входа, мужчина бешено отбивался, и когда раздался выстрел, я схватил решительную девицу за руку и потащил к кухонной двери.

Дверь оказалась заперта и не поддавалась, когда я навалился на нее плечом.

– Лезьте за угол стойки и ложитесь на пол, – сказал я.

Она спряталась и встала на колени.

– Плашмя, – настоял я и толкнул ее.

Она разозлилась.

Все мужчины, кроме немца, который залег под столом, и молодого человека, похожего на школьника, который стоял в углу, вжавшись в стену, уже выхватили оружие. Три блондинки с отросшими у корней темными волосами взобрались на скамейку у стены и, стоя на цыпочках, беспрерывно визжали.

– Я не боюсь, – храбрилась решительная. – Это же смешно.

– Хотите схлопотать шальную пулю в пьяной перестрелке? – поинтересовался я. – Если у этого шута здесь есть друзья, все может очень плохо обернуться.

Но друзей у него, очевидно, не оказалось, потому что мужчины начали прятать свои револьверы, кто-то снял со скамейки визжащих блондинок, и все, кто бросился к месту драки, когда раздался выстрел, потянулись обратно, оставив мужчину с флитовым распылителем неподвижно лежать навзничь на полу.

– Никому не покидать помещения до приезда полиции! – крикнул кто-то от дверей.

Это были два вооруженных полицейских из уличного патруля, которые уже охраняли вход, и сразу после этого объявления я увидел, как шестеро посетителей выстроились в затылок друг другу, словно футбольная команда перед выходом на поле, отделились от толпы и свободно проследовали на выход через дверь. Трое из них были теми, которые в первый раз вышвырнули короля-«Флита» из бара. Один из них и убил его. Они проходили мимо полицейских с карабинами, словно рабочие, выносящие оборудование и не имеющие никакого отношения к случившемуся. Когда все шестеро покинули бар, один из полицейских перегородил дверной проем карабином и крикнул:

– Всем оставаться на местах! Всем до единого!

– А этих почему выпустили? Если им можно, почему нам нельзя?

– Это авиамеханики, им нужно вернуться на аэродром, – сказал кто-то.

– Но если кто-то уже ушел, глупо держать остальных.

– Всем ждать представителей службы безопасности. Все должно быть по закону и в соответствии с установленным порядком.

– Но разве вы не понимаете: если ушел хоть один человек, глупо задерживать остальных.

– Никто отсюда не выйдет. Всем ждать.

– Комедия, – сказал я решительной девице.

– Это не комедия. Это ужас.

Теперь мы снова стояли, и она с возмущением смотрела туда, где лежал убитый, широко раскинув руки и согнув одну ногу в колене.

– Я пойду помогу раненому бедняге. Почему никто ему не помогает и вообще ничего не делает?

– Я бы оставил его в покое, – посоветовал я. – Держитесь-ка лучше подальше от происходящего.

– Но это же просто бесчеловечно. Я прошла сестринскую подготовку и должна оказать ему первую помощь.

– Я бы не советовал, – настаивал я. – Не приближайтесь к нему.

– Почему? – Она была страшно взволнована, близка к истерике.

– Потому что он мертв, – произнес я.

Прибывшая вскоре полиция продержала всех часа три. Начали они с того, что обнюхали все пистолеты – хотели таким образом установить, из какого недавно стреляли. После примерно сорокового им это, похоже, надоело, тем более что запах мокрой кожи все равно перебивал все остальные запахи. Потом они уселись за стол прямо за покойным, который лежал на полу с восковыми серыми руками и восковым серым лицом, напоминая серую восковую статую себя самого, и принялись проверять документы.

Было видно, что под его разорванной на груди рубашкой нет нижнего белья, а подошвы на туфлях стоптаны чуть не до дыр. Лежа на полу, он выглядел маленьким и жалким. Чтобы подойти к столу, за которым двое в штатском проверяли документы, приходилось переступать через него. Муж решительной девицы, разнервничавшись, несколько раз свои находил и снова терял. У него был пропуск, но он положил его куда-то не в тот карман и долго, покрывшись испариной, искал, пока не нашел. После этого он снова сунул его куда-то не туда, и опять пришлось долго искать его. От этих поисков с него градом катился пот, волосы взмокли и завились колечками, а лицо покраснело. Сейчас ему бы очень пошел не только школьный галстук, но и кепочка, какие носят мальчики в младших классах. Обычно потрясения делают человека взрослее. Его этот выстрел сделал лет на десять младше.

Пока мы ждали своей очереди, я сказал решительной девице, что, с моей точки зрения, это отличный сюжет для рассказа и когда-нибудь я его напишу. Например, очень впечатляющим был эпизод с теми шестерыми, которые выстроились цепочкой и беспрепятственно проследовали через дверь. Она была шокирована и настояла на том, что я не должен описывать случившееся, потому что это компрометирует дело Испанской Республики. Я заметил, что езжу в Испанию с очень давних пор и знаю, что неслыханное количество перестрелок случилось и в старые времена, при короле, вокруг Валенсии, что за сотни лет до Республики в Андалусии люди резали друг друга огромными ножами, которые называются *pavaías*, и что, если мне довелось стать свидетелем нелепого убийства в баре Чикоте во время войны, я имею право описать его так же, как если бы это случилось в Нью-Йорке, Чикаго, Ки-Уэсте или Марселе. Это не имеет к политике никакого отношения. Она произнесла, что я все равно не должен об этом писать. Вероятно, и многие другие скажут то же самое. А вот немец, похоже, считал, что это очень забавная история, и я отдал ему последнюю пачку своего «Кэмела». Как бы то ни было, часа три спустя полиция наконец решила, что мы можем разойтись.

В отеле «Флорида» обо мне уже тревожились, потому что в те дни, при постоянных обстрелах города, если человек шел домой пешком и не приходил до того момента, когда в половине восьмого закрывались все бары, о нем начинали тревожиться. Я был рад, что добрался наконец до дома, и, пока мы готовили ужин на электрической плитке, рассказал свою историю, она имела успех.

За ночь дождь прекратился, и наступил ясный, солнечный холодный день, какие бывают здесь в начале зимы; без четверти час я толкнул вращающуюся дверь бара Чикоте с намерением выпить джина с тоником перед ланчем. В это время посетителей было очень мало, и к моему столику подошли сразу два официанта и управляющий. Они улыбались.

– Ну что, поймали убийцу? – спросил я.

– Какие могут быть шутки в столь ранний час, – ответил управляющий. – Вы сами видели, как он стрелял?

– Да, – кивнул я.

– Я тоже, – сказал он. – Когда это случилось, я стоял рядом. – Он указал на угловой столик. – Он приставил пистолет прямо к груди того человека и выстрелил.

– И как долго вас здесь еще держали?

– О, до начала третьего ночи. А за *fiambre*, – он назвал труп испанским жаргонным словом, которым в меню обозначают холодное мясо, – приехали только в одиннадцать утра. Да ведь вы наверняка еще всего не знаете.

– Конечно, не знает, – подхватил официант.

– Это очень необычное дело, – заметил другой официант. – *Muy raro*.

– И печальное к тому же, – покачал головой управляющий.

– Так расскажите.

– Очень необычное дело, – повторил управляющий.

– Ну, рассказывайте же, давайте, рассказывайте.

Управляющий доверительно склонился над столом.

– В этой флитовой пушке, знаете ли, – произнес он, – у него был одеколон. Вот бедолага.

– Это вовсе не было такой уж оскорбительной шуткой, понимаете? – поддержал официант.

– Он просто веселился. Нечего было обижаться на него, – подтвердил управляющий.

– Ясно, – сказал я. – Он просто хотел поразвлечь народ.

– Да, – грустно улыбнулся управляющий. – На самом деле произошло досадное недоразумение.

– А что с флитовой пушкой?

– Ее забрала полиция, чтобы вернуть его родным.

– Представляю себе, как они обрадовались, – проговорил я.

– Да, – согласился управляющий, – конечно. Флитовый распылитель – очень нужная в хозяйстве вещь.

– А кем он был?

– Мебельщиком.

– Женат?

– Да, его жена приходила сюда сегодня утром с полицией.

– И что она сказала?

– Она рухнула на пол рядом с ним со словами: «Педро, что они с тобой сделали, Педро? Кто сделал это с тобой? О, Педро».

– А потом полицейские оттащили ее от него, потому что она была не в себе, – закончил официант. – Он вступил в борьбу с самого начала движения. Говорят, сражался в Сьерре, но долго участвовать не смог: у него оказалась слабая грудная клетка.

– И вчера он просто вышел в город, чтобы взбодриться, – предположил я.

– Нет, – произнес управляющий. – Понимаете, это очень странно. Все это *miu gafo*. Это я узнал от полицейских, а они, если захотят, могут быть очень дотошными. Они допросили товарищей из мебельной мастерской, где он работал. Ее адрес установили по профсоюзному билету, который нашли у него в кармане. Оказалось, что вчера он купил этот флитовый распылитель и одеколон, чтобы устроить шутку на чьей-то свадьбе. Он им сам об этом рассказал. Купил он все это в магазине напротив мастерской. Адрес значился на флаконе с одеколоном. Сам флакон нашли в туалете. Видимо, там он заряжал свою «пушку» одеколоном. А по дороге он, наверное, зашел сюда, чтобы переждать дождь.

– Я видел, как он пришел, – вставил официант.

– Ну, а тут веселятся, поют, вот и он развеселился.

– Да, он был весел, это точно, – сказал я. – Прямо-таки порхал от стола к столу.

Управляющий продолжил с беспощадной испанской логикой:

– Вот к чему приводит пьяное веселье в сочетании со слабой грудью.

– Не нравится мне эта история, – пробормотал я.

– Понимаете, – продолжал управляющий, – это так странно. Его веселость столкнулась с суровостью войны, как мотылек...

– Да уж, мотылек, – покачал головой я. – Типичный мотылек.

– Я не шучу, – посерьезнел управляющий. – Понимаете? Как мотылек с танком.

Сравнение очень понравилось ему самому. Давала себя знать столь свойственная испанцам тяга к метафизике.

– Выпейте за счет заведения, – предложил он. – Вы должны написать об этом рассказ.

Я вспомнил человека с распылителем: серые восковые руки широко раскинуты, серое восковое лицо, согнутая в колене нога... Он действительно чем-то напоминал мотылька, хотя не то чтобы очень. Но и на человека он был не сильно похож. Скорее он походил на мертвого воробья.

– Спасибо. Я бы выпил джина с хинным швепсом, – сказал я.

– Вы должны написать об этом рассказ, – повторил управляющий. – Вот, прошу: за удачу!

– За удачу, – поднял стакан я. – А знаете, та девушка-англичанка вчера сказала мне, что я не должен об этом писать. Что это навредит общему делу.

– Чушь какая, – возмутился управляющий. – Это же очень интересно и важно: ложно понятая веселость вступает в конфликт с непробиваемой серьезностью, к которой здесь всегда склонны. По мне, так это самое необычное и самое интересное из того, что я видел за последнее время. Вы должны об этом написать.

– Ладно, – согласился я. – Напишу. Дети у него были?

– Нет, – ответил он. – Я спрашивал у полицейских. Но вы должны обязательно написать этот рассказ и назвать его «Мотылек и танк». Это очень изящное название. Очень литературное.

– Хорошо, – кивнул я. – Конечно. Так и назовем – «Мотылек и танк».

Я сел прямо там, в выметенном, вымытом и только что проветренном зале, ясным приветливым утром, с моим старым другом управляющим, который был весьма рад приобщиться к литературному труду, сделал глоток джина с тоником и, глядя в заваленное мешками с песком окно, представил себе его жену, стоящую на коленях и взывающую: «Педро! Педро, кто сделал это с тобой, Педро?» И подумал, что полиция, даже если бы знала имя человека, спустившего курок, никогда бы ей его не назвала.

(1938)

Перевод И. Дорониной

Ночь перед боем

В то время мы работали в развороченном снарядами доме, который выходил на мадридский парк Каса-дель-Кампо. Внизу, под нами, шел бой. Можно было видеть, как он катится вперед и взбирается на холмы, можно было ощутить его запах, почувствовать вкус его пыли на губах, а его звуки сливались в общий грохот словно бы сорвавшегося и несущегося с горы гигантского листа железа: то усиливающаяся, то стихающая пулеметная стрельба, сквозь которую прорывались орудийные залпы, шипучий гул снарядов, выпущенных из стволов расположенной позади нас артиллерийской батареи, потом – глухое уханье их разрывов и следом – накатывающие облака желтой пыли. Но все это происходило слишком далеко, чтобы мы могли это хорошо заснять. Мы пытались работать ближе, но снайперы засекали камеру и вели по ней прицельный огонь, так что снимать было невозможно.

Большая камера представляла собой наше самое ценное имущество, и если бы она оказалась повреждена, нашей работе пришел бы конец. Мы снимали фильм практически без денег, все, что было, ушло на пленку и камеры. Поэтому мы не могли себе позволить тратить пленку впустую и берегли камеры как зеницу ока.

Накануне снайперы выбили нас с места, откуда было удобно снимать, и мне пришлось отходить ползком, отталкиваясь локтями, прижимая маленькую камеру к животу и стараясь держать голову ниже плеч, а пули цокали о стену над моей спиной, и дважды меня осыпало осколками кирпича.

Наши самые мощные атаки, бог знает почему, начинались в полдень, когда солнце светило фашистам в спину, а нам прямо в объективы, которые начинали бликовать, как зеркала гелиографа, и вызывали на себя огонь марокканцев. Те всё знали о гелиографах и офицерских биноклях еще со времен Рифской войны, и если бы вы захотели, чтобы снайпер снял вас с первого выстрела, вам только и нужно было бы что поднести к глазам офицерский бинокль без козырьков на линзах. Стрелять они тоже умели, так что из-за них у меня весь день сохло во рту.

В полдень мы переместились в дом. Работать там было очень удобно, на балконе мы устроили из сломанных решетчатых ставней что-то вроде жалюзи для камеры; но, как я уже сказал, снимать оттуда было слишком далеко.

Это не было слишком далеко, чтобы снять поросший соснами склон холма, озеро и силуэты фермерских построек, которые то и дело исчезали в клубах каменной пыли, поднимавшейся после попадания в них мощных снарядов, или фонтаны дыма и земли, взметавшиеся на гребне холма, когда гудящие бомбардировщики сбрасывали над ним свой груз. Но танки с расстояния восьмисот-тысячи ярдов выглядели как бурые жучки, шнырявшие среди деревьев и плевавшие крохотными вспышками, а люди за ними казались игрушечными солдатиками, которые лежали плашмя на земле, потом поднимались, бежали, пригнувшись, потом останавливались и падали снова, некоторые так и оставались лежать, усеивая собой склон, а танки шли дальше. Тем не менее мы надеялись получить общую панораму боя. У нас уже было много крупных планов, мы рассчитывали, если повезет, снять и другие, так что вкупе с составляющими панораму боя фонтанами земли, разрывами шрапнели, плывущими клубами дыма и пыли, подсвеченными желтыми вспышками, и распускающимися белыми бутонами от взрывов ручных гранат должно было получиться то, что нам нужно.

Поэтому, когда света стало недостаточно, мы спустили вниз по лестнице большую камеру, сняли с треноги, разделили поклажу на троих и по одному, с интервалами рванули через разрушенный угол дома на Пасео Росалес под укрытие каменной стены конюшен старых казарм Монтана. Это оказалось отличным местом для работы, и мы приободрились. Однако, уверяя друг друга, что отсюда расстояние для съемки будет достаточно близким, мы сильно лукавили.

– Давайте зайдем к Чикоте, – предложил я, когда мы уже поднимались в горку к отелю «Флорида».

Но им нужно было чинить камеру, менять пленку и консервировать уже отснятую, поэтому я пошел один. В Испании тогда редко удавалось побыть одному, так что для разнообразия это было даже неплохо.

Направляясь по Гран-Виа к бару Чикоте в апрельских сумерках, я пребывал в хорошем настроении, был бодр и взволнован. Мы на совесть потрудились, и мне хорошо думалось. Впрочем, пока я шел по улице, мое приподнятое настроение улетучилось. Теперь, когда я остался один и больше не было возбуждения от опасности, мне стало очевидно, что находились мы слишком далеко и что – дураку ясно – наступление потерпело фиаско. Я знал это весь день, но так часто обманываешь себя, поддавшись надеждам и оптимизму. Теперь же, вспоминая минувший день, я понимал, что это была лишь еще одна кровавая баня вроде Соммы. Народная армия наконец перешла в наступление. Но это было наступление такого рода, которое могло закончиться лишь одним: самоуничтожением. И, сопоставив в уме то, что я видел в течение дня и что слышал раньше, я почувствовал себя отвратительно.

В чаду и непрерывном гомоне бара Чикоте я сознавал, что наступление провалилось, еще острее я осознал это, выпив первый стакан у людной стойки. Когда все вокруг хорошо и только у тебя дурное настроение, выпивка может взбодрить. Но когда вокруг дела по-настоящему плохи, а ты вроде в порядке, выпивка лишь делает это более очевидным. В баре Чикоте было так тесно, что приходилось локтем расчищать себе пространство, чтобы поднести стакан ко рту. Не успел я сделать хороший глоток, как кто-то толкнул меня так, что я расплескал часть своего виски с содовой. Я сердито оглянулся, и человек, толкнувший меня, рассмеялся.

– Привет, Рыбья Морда, – сказал он.

– Привет, Козел.

– Пойдем за столик, – предложил он. – Ну и видок у тебя был, когда я тебя толкнул.

– Откуда это ты такой явился? – поинтересовался я.

Его кожаная куртка была грязной и засаленной, глаза провалились, и он явно давно не брился. На боку у него висел огромный автоматический кольт, который на моей памяти принадлежал трем другим людям и к которому мы вечно пытались достать патроны. Мужчина был очень высок, лицо его закоптелось от дыма и было измазано машинным маслом. На голове – кожаный шлем с толстым кожаным валиком вдоль макушки и по краям.

– Откуда ты теперь?

– Из Каса-дель-Кампо, – произнес он насмешливо, нараспев, как, бывало, посыльный в вестибюле одного новоорлеанского отеля выкрикивал фамилии постояльцев, потом это стало у нас шуткой для своих.

– Вон места за столиком освобождаются, – показал я, увидев, что двое солдат со своими девушками собираются уходить. – Пойдем сядем.

Мы расположились за столиком в центре зала, и, когда он поднял свой стакан, я обратил внимание на его руки: в них глубоко въелась смазка, а развилки между большими и указательными пальцами были черны, как графит, от пулеметных выхлопов. Та, в которой он держал стакан, дрожала.

– Ты посмотри на них. – Он вытянул другую руку. Она тоже дрожала. – Что одна, что другая, – протянул он так же шутливо. Потом, уже серьезно, спросил: – Ты там был?

– Мы это снимаем.

– Удастся?

– Не очень.

– Нас видели?

– Где?

– Мы ферму штурмовали. Сегодня в три двадцать пять.

– А-а, да.

– Понравилось?

– Не-а.

– Мне тоже, – сказал он. – Слушай, все это – какой-то бред собачий. Кому пришло в голову устраивать лобовую атаку на такие позиции, как эти? Какой дурак это придумал?

– Некий сукин сын по имени Ларго Кабальеро, – ответил коротышка в очках с толстыми линзами, который уже сидел за столиком, когда мы подошли. – Как только ему позволили первый раз взглянуть в полевой бинокль, он возомнил себя генералом. Это – его шедевр.

Мы оба посмотрели на говорившего. Мой приятель Эл Вагнер, танкист, покосился на меня и поднял то, что осталось от его обгоревших бровей. Коротышка улыбнулся нам.

– Если кто-то из присутствующих говорит по-английски, вы, товарищ, уже подлежите расстрелу.

– Нет, – покачал головой коротышка. – Это Ларго Кабальеро подлежит расстрелу. Это его следует расстрелять.

– Послушайте, товарищ, – обратился Эл. – Просто говорите чуточку потише, хорошо? Кто-нибудь может услышать и подумает, что мы с вами заодно.

– Я знаю, что говорю, – настаивал коротышка в толстых очках.

Я внимательно посмотрел на него. Он производил впечатление человека, действительно знающего, что говорит.

– Все равно. Не всегда полезно говорить вслух все то, что знаешь, – заметил я. – Выпьете с нами?

– Конечно, – согласился он. – С вами говорить можно. Я вас знаю. Вы – свой.

– Но не *настолько*, – сказал я. – К тому же это общественный бар.

– Общественный бар – единственное приватное место, которое здесь есть. Тут никто не слышит, что ты говоришь. Вы из какой части, товарищ?

– У меня тут, в восьми минутах ходьбы, танки, – ответил ему Эл. – Мы отстрелялись на сегодня, и начало вечера оказалось свободным.

– Почему бы тебе не помыться? – спросил я.

– Как раз собираюсь, – кивнул Эл. – У тебя в номере. Когда мы отсюда уйдем. У тебя есть техническое мыло?

– Нет.

– Ничего, – пожал плечами он. – Я всегда ношу с собой в кармане кусочек про запас. Коротышка в толстых очках пристально смотрел на Эла.

– Вы член партии, товарищ? – уточнил он.

– Конечно, – подтвердил Эл.

– А вот товарищ Генри, как я знаю, – нет, – заметил коротышка.

– Тогда я бы ему не доверял, – засмеялся Эл. – Я вот не доверяю.

– Сволочь! – возмутился я. – Ну что, идем?

– Нет, – покачал головой Эл. – Мне совершенно необходимо еще выпить.

– Я все знаю про товарища Генри, – вновь заговорил коротышка. – А теперь позвольте мне еще кое-что сказать вам о Ларго Кабальеро.

– Нам обязательно это слушать? – спросил Эл. – Не забывайте: я служу в народной армии. Вы не думаете, что это может меня деморализовать?

– Знаете, у него так раздулось самомнение, что он вообще стал словно помешанный. Он сам себе и премьер-министр, и военный министр, и никто не смеет к нему больше и приблизиться. А на самом деле он – просто добросовестный профсоюзный руководитель, что-то между вашим покойным Сэмом Гомперсом и Джоном Эл Льюисом, это Аракистайн его сотворил.

– Вы не волнуйтесь так, – попросил Эл. – А то я не схватываю.

– О, его придумал Аракистайн! Тот Аракистайн, который сейчас является нашим послом в Париже. Это, знаете ли, его произведение. Он назвал его испанским Лениным, после чего бедняге пришлось соответствовать, а еще кто-то дал ему посмотреть в полевой бинокль, и он возомнил себя Клаузевицем.

– Это вы уже говорили, – сухо заметил Эл. – Какие у вас для этого основания?

– Ну как же, три дня назад он высказался на заседании кабинета по вопросам военного искусства. Речь шла об этой заварухе, в которой мы сейчас все участвуем, и Хесус Эрнандес, просто чтобы подначить, спросил его, какая разница между тактикой и стратегией. Знаете, что ответил старикашка?

– Нет, – произнес Эл.

Я заметил, что наш новый товарищ начинает его немного нервировать.

– Он сказал: «Тактика – это лобовая атака, а стратегия – это когда обходишь противника с флангов». Ну, как вам?

– Кончали бы вы с этим, товарищ, – настаивал Эл. – Это начинает попахивать разложением.

– Но мы избавимся от Ларго Кабальеро, – продолжил тем не менее коротышка. – После этого наступления мы от него избавимся. Его последняя глупость переполнит чашу терпения.

– Ну, хорошо, товарищ, – постарался закончить разговор Эл. – Мне утром снова в атаку.

– Ах, так вы снова собираетесь атаковать?

– Послушайте, товарищ. Мне вы можете нести какую угодно чушь, потому что это забавно и я достаточно взрослый человек, чтобы самому разобраться, что к чему. Но не задавайте мне вопросов. Потому что это доведет вас до беды.

– Я же спросил в частном порядке, не чтобы выведать информацию.

– Мы недостаточно хорошо знакомы, товарищ, чтобы задавать друг другу личные вопросы, – отрезал Эл. – Почему бы вам просто не пересечь за другой столик и не дать нам с товарищем Генри поговорить? Мне нужно кое о чем спросить его.

– Salud, товарищи, – попрощался коротышка, вставая. – Мы еще увидимся.

– Да, – сказал Эл. – В другой раз.

Мы наблюдали, как он подошел к другому столу, извинился, солдаты подвинулись, освобождая ему место, и он сходу начал говорить. Похоже, слушали его с интересом.

– Что ты думаешь об этом недомерке? – спросил Эл.

– Не знаю.

– Вот и я не знаю, – произнес Эл. – Конечно, это наступление он оценил верно. – Эл поднял стакан и взглядом указал мне на свою руку: – Видишь? Уже все в порядке. И я ведь не какой-нибудь забулдыга. Перед боем я вообще никогда не пью.

– Как сегодня было?

– Ты же сам видел. А как это выглядело со стороны?

– Ужасно.

– Вот именно. Точное определение. Это было ужасно. Похоже, он использует тактику и стратегию одновременно, потому что мы атакуем и в лоб, и с флангов. А что в других местах?

– Дюран занял новый плацдарм. *Ипподром*. Мы стянули силы в узкий коридор, который ведет к университетскому городку. Наверху перешли через шоссе, ведущее в Корунью. И со вчерашнего утра толчемся у Серро-де-Агильяр. Во всяком случае, были там еще сегодня утром. Дюран потерял половину бригады, как я слышал. А как у вас?

– Утром будем снова пытаться взять те фермерские дома и церковь. Главная цель – церковь на холме, которую называют скитом. Весь холм рассечен оврагами и перекрывается продольным пулеметным огнем минимум в трех направлениях. Они там глубоко и очень толково окопались. У нас не хватает сил накрыть их артиллерийским огнем так, чтобы они не могли поднять голову, и нет тяжелой артиллерии, чтобы выкурить их оттуда. А у них в тех домах

полно всякого противотанкового оружия, и еще противотанковая батарея возле церкви. Это будет просто бойня.

– На какое время назначено?

– Не спрашивай. Я не имею права говорить об этом.

– Я хотел подготовиться к съемке, – сказал я. – Весь сбор за картину пойдет на приобретение санитарных машин. Возле Аргадского моста нам удалось заснять контратаку Двенадцатой бригады. И ту же Двенадцатую мы снимали на прошлой неделе во время наступления у Пингаррона. Получилось несколько отличных кадров с танками.

– Танки там были не на высоте, – заметил Эл.

– Я знаю, но на съемке получились отлично. Так как насчет завтра?

– Просто занимайте позицию пораньше и ждите, – ушел от ответа он. – Но не слишком рано.

– Как ты себя сейчас чувствуешь?

– Чертовски устал, – зевнул он. – И у меня дико болит голова. Но уже немного лучше. Давай еще по стаканчику, а потом – к тебе, принимать ванну.

– Может, поедим сначала?

– Я слишком грязен, чтобы есть. Можешь занять стол, а я приму ванну и присоединюсь к тебе в «Гран-Виа».

– Я пойду с тобой.

– Нет. Лучше держи место, а я подойду. – Он наклонился и уткнулся лбом в столешницу. – Господи, как же болит голова. Это из-за грохота в наших драндулетах. Даже когда его больше не слышишь, он все равно воздействует на уши.

– А поспать не хочешь?

– Нет. Лучше я побуду немного с тобой, посплю, когда вернусь в часть. Не хочу просыпаться дважды.

– Тебя что, мучают кошмары?

– Нет. Со мной все в порядке. Послушай, Хэнк, не хочу болтать ерунды, но я думаю, что завтра меня убьют.

Я трижды коснулся кончиками пальцев деревянной столешницы.

– Такое чувство бывает у всех. У меня бывало много раз.

– Нет. Мне это не свойственно. Но то, что нам придется делать завтра, бессмысленно. Я даже не знаю, удастся ли мне поднять своих в бой. Как заставить их идти вперед, если они не захотят? Можно их потом расстрелять. Но в тот момент, если не захотят, они не сдвинутся ни на шаг. Даже если начнешь расстреливать на месте, не сдвинутся.

– Может, оно и к лучшему?

– Нет. Завтра с нами будут отличные пехотные части. Они пойдут вперед в любом случае. Не то что те желторотые ублюдки, которые были в первый день.

– Может, все обойдется?

– Нет, – повторил он. – Не обойдется. Но я сделаю все, что смогу. Во всяком случае, заставлю их двинуться вперед и доведу до того места, где они смогут свалить по одному. Может, им это удастся. У меня есть трое, на которых я могу положиться. Если, конечно, одного из них не подбьют в самом начале.

– И кто они, эти твои надежные?

– Один здоровенный грек из Чикаго, этот полезет напролом куда угодно. И в обороне не отступит. Француз из Марселя; у него левое плечо в гипсе и две раны еще кровоточат, но он попросил выписать его из госпиталя в «Палас-отеле», чтобы участвовать в этом наступлении, ему придется как-то пристегиваться в кабине, и я даже не знаю, как он сможет это сделать. Я имею в виду – чисто технически. Смотришь на него – и сердце разрывается. Дома он был

таксистом. – Эл помолчал. – Я чересчур много болтаю. Ты меня останавливай, если я слишком разговарюсь.

– А третий кто? – спросил я.

– Третий? Разве я сказал, что у меня есть третий?

– Да, сказал.

– Ах да! Третий – это я.

– А остальные?

– Они умеют управлять танком, но пока еще не умеют воевать. Не могут правильно оценить обстановку. И все боятся умереть. Я пытался помочь им преодолеть этот страх, но он возвращается перед каждым боем. Когда видишь их, в шлемах, стоящих рядом со своими танками, – настоящие танкисты. Когда они садятся в танки – тоже brave танкисты. Но когда они закрывают за собой люки – всё, пустое место. Никакие они не танкисты. А новых делать пока времени нет.

– Ну что, пойдешь купаться?

– Давай еще немного посидим, – попросил он. – Тут хорошо.

– Да, забавно, если учитывать, что война идет в конце улицы, так что на нее можно сходить, а потом вернуться обратно.

– А потом снова идти туда, – сказал Эл.

– Как насчет девушки? Тут во «Флориде» сейчас две американки, корреспондентки газеты. Может, познакомишься?

– С ними же придется разговаривать, а я не хочу. Слишком устал.

– А вон там, за угловым столиком, – две марокканки из Сеуты.

Он посмотрел на них. Обе смуглые, у обеих – копна волос. Одна высокая, другая маленькая, и обе, безусловно, крепенькие и энергичные.

– Нет, – не заинтересовался Эл. – На марокканцев я завтра вдоволь насмотрюсь, не хватало мне на них еще и вечером время тратить.

– Да девушек вообще-то полно, – заметил я. – Во «Флориде» есть Манолита. Хмырь из Seguridad¹¹, с которым она живет, уехал, в Валенсию, кажется, а она хранит ему верность со всеми подряд.

– Слушай, Хэнк, что ты меня сватаешь?

– Просто хочу, чтобы ты взбодрился.

– Я уже вышел из этого возраста, – сказал он. – Еще по одной?

– Давай.

– Я ничего не имею против того, чтобы умереть, – произнес он. – Смерть – просто куча дерьма. Только зря умирать не хочется. А в этом наступлении – все зря. С танками я теперь хорошо управляюсь. Было бы время – я и хороших танкистов мог бы воспитать. А если бы у нас были танки, которые двигались бы чуть быстрее, противотанковые орудия не досаждали бы им так, как нынешним, неповоротливым. Слушай, Хэнк, они оказались не такими, как мы надеялись. Помнишь, все думали: если бы только у нас были танки!..

– В Гвадалахаре они показали себя не так уж плохо.

– Конечно. Но там на них воевала старая гвардия. То были настоящие солдаты. И воевали они против итальянцев.

– Ну и что случилось с тех пор?

– Много чего. Наемники записываются в армию на полгода. Большинство из них французы. Пять месяцев воюют неплохо, а в последний месяц хотят только одного – выжить и вернуться домой. Тогда – грош им цена. Русские инструкторы, которые приехали, когда правительство закупило танки, – ребята что надо. Но теперь их отзывают, говорят – в Китай. А

¹¹ Отдел безопасности (исп.).

новички из испанцев кто как: одни хороши, другие нет. Чтобы вырастить хорошего танкиста, нужно полгода, я имею в виду – действительно хорошего. А чтобы научиться действовать с умом и пониманием, нужен еще и талант. Нам же приходится натаскивать их за полтора месяца, и талантов среди них не так уж много.

– А летчики из них получаются отличные.

– Танкисты тоже получились бы. Если бы можно было выбирать тех, у кого есть призвание. Это же как со священниками. Нужно иметь особый склад ума. Особенно теперь, когда появилось столько противотанковых средств.

У Чикоте уже опустили железные ставни и теперь запирали двери. Больше никого не впускали. Но полчаса до закрытия еще можно было посидеть.

– Мне здесь нравится, – сказал Эл. – И уже не так шумно. Помнишь, когда я служил на флоте, мы встретились в Новом Орлеане и пошли выпить в бар отеля «Монтелеоне», и там парень, ужасно похожий на святого Себастьяна, выкрикивал имена постояльцев нараспев, и я дал ему четвертак, чтобы он выкрикнул мистера Би Эф Разгильдяя.

– Ты сейчас так же «пропел»: «Каса-дель-Кампо».

– Ну да, – кивнул он. – Как вспомню, так не могу удержаться от смеха. – Потом он продолжил: – Видишь ли, теперь танков уже не боятся. Никто. Мы тоже. Но они все еще приносят пользу. Действительно приносят. Только из-за этих противотанковых орудий они стали чертовски уязвимыми. Может, мне следовало выбрать другую военную специальность? *Да нет, конечно.* Потому что танки все еще полезны. Только вот при текущем положении нужно чувствовать в себе настоящее призвание, чтобы служить на них. Теперь, чтобы быть танкистом, нужно обладать высокой политической сознательностью.

– Ты хороший танкист.

– Но завтра предпочел бы быть кем-нибудь другим, – заметил он. – Я, конечно, раскис и несу страшную ерунду, но имеет же человек право немного раскиснуть, если это никому не причиняет вреда. Знаешь, я люблю танки, только мы их неправильно используем, потому что пехота не обучена взаимодействовать с ними. Они просто хотят, чтобы танк шел впереди, создавая им прикрытие для продвижения. А это неправильно. Они тогда полностью зависят от танков и без них не могут сделать ни шагу. Иногда они даже не хотят занять боевую позицию.

– Я знаю.

– Понимаешь, если бы у нас были танкисты, знающие свое дело, они бы вырывались вперед, подавляли противника пулеметным огнем, а потом отходили бы назад, пропуская пехоту, и вели бы огонь поверх ее головы, создавая пехоте прикрытие во время атаки. А другие танки, как кавалерия, налетали бы на пулеметные гнезда противника и уничтожали их. И они могли бы накрывать траншеи и продольным огнем разносить их в пух и прах. Кроме того, они могли бы доставлять пехоту к нужному месту или прикрывать ее продвижение наилучшим образом.

– А вместо этого?..

– А вместо этого все происходит так, как будет завтра. У нас, черт возьми, так мало орудий, что нас используют как малоподвижное бронированное средство доставки пушек. А как только ты останавливаешься и принимаешься изображать легкую артиллерию, ты теряешь подвижность, которая худо-бедно обеспечивает твою безопасность, и тебя начинают прицельно расстреливать из противотанкового оружия. А если не это, так мы вообще становимся чем-то вроде железных детских колясок для перевозки пехоты. И в конце концов уже не знаешь, коляска ли довезет тех, кто внутри, или им самим придется толкать ее. И никогда не знаешь, будет ли кто-нибудь позади тебя, когда ты доберешься до места.

– Сколько танков сейчас у бригады?

– По шесть на батальон. Всего тридцать. Но это теоретически.

– Ты бы все-таки пошел помылся, а потом поедем.

– Ладно. Только не надо опекать меня и думать, что я чего-то боюсь, потому что я ничего не боюсь. Просто устал и захотелось поговорить. И не надо разговоров для подъема боевого духа, для этого у нас есть политический комиссар, и я сам знаю, за что воюю, и ничего не боюсь. Но мне хотелось бы, чтобы нас использовали с умом и более эффективно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.